

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНЕ *ГНОСТИК*. II*

Теперь обратимся еще к одному вопросу, а именно к употреблению слова *гностик* у Климента Александрийского, которое, совершенно очевидно, родилось в полемике с вышеназванными еретиками, но получило у него иное значение.¹

“Лжеименному гносису” Климент противопоставляет свой “церковный гносис”,² а различным *гностикам*-еретикам противопоставляет у него “истинный *гностик*” (ὁ γνῶστικός). В отличие от еретиков, убежденных в том, что совершенное и полное знание высшего и благого Бога, которому противопоставит создатель этого мира, злой Демиург, заложено в них уже от рождения и обусловлено самой их природой,³ Климент считает, что знание Бога, насколько оно воз-

* Окончание. Часть I см.: *Hyperboreus* 14 (2008): 1, 91–117.

¹ См.: A. Méhat, “‘Vraie’ et ‘fausse’ gnose d’après Clément d’Alexandrie”, in: *Rediscovery of Gnosticism. Proceedings of the Intern. Conf. on Gnosticism at Yale New Haven, Connecticut I* (Leiden 1980) 432: “Il a tiré des écrits hérétiques des *dogmes*, auxquels il a opposé la ‘gnose ecclésiastique’ elle-même condensée en *dogmes*”; автор показывает, по каким именно вопросам Климент противопоставлял гносису еретиков свой гносис:

1. У них: творение мира – это зло и является плодом работы злого и низшего Демиурга / у Климента: творение – свято, и оно – плод работы благого Верховного Бога и его Слова.

2. Бог Ветхого Завета и Бог Нового Завета – это два разных бога / Бог Ветхого и Нового Завета – один и тот же Бог.

3. Тело является дурным по своей природе / тело – ниже души, но само по себе оно не является злом.

4. Люди по самой своей природе делятся на три класса: гностики (γνῶστικοί, или избранные, ἐκλεκτοί), душевные (ψυχικοί) и материальные (ὕλικοί, или плотские, σαρκικοί) / не существует никакой избранности по природе: все зависит от свободы воли, аскезы и т. д.

5. Гносис является уделом только гностика, вера – удел “душевного” (= церковного христианина) / гносис – это высшая ступень веры.

6. Гносис озаряет внезапно / гносис приобретается с течением времени и трудом, и т. д. (*ibid.*, 428–429).

² ἡ ἐκκλησιαστικὴ γνῶσις (*Strom.* VII. 103. 6); ср. также: *Iren. Adv. haer.* IV. 33. 8: “Истинный гносис — это учение апостолов и древнее устройство Церкви во всем мире” (Γνῶσις ἀληθής, ἡ τῶν ἀποστόλων διδασχὴ καὶ τὸ ἀρχαῖον τῆς ἐκκλησίας σύστημα κατὰ παντὸς τοῦ κόσμου).

³ По свидетельству Иринейя, карпократиане учили о том, что Иисус, хотя и родился от Иосифа и был подобен прочим людям (ὁμοῖον τοῖς ἀνθρώποις),

можно,⁴ достигается только непрерывными духовными усилиями,⁵ но доступно оно любому принадлежащему “вселенской Церкви”⁶ и,

имел “душу чистую” (τὴν ψυχὴν <...> καθάραν), которой от нерожденного Бога (ὑπὸ τοῦ ἀγεννήτου θεοῦ) была изначально дана сила (δύναμιν) с тем, чтобы душа, избежав низших богов – “творцов этого мира” (τοὺς κοσμοποιούς), смогла вознестись к нерожденному Богу. Так же и гностики имеют душу, подобную душе Христа, и поэтому одни утверждали, что они подобны (ὁμοίους) Иисусу, другие считали себя даже могущественнее (δυνατωτέρους) его, а третьи считали себя выше (διαφορωτέρους) Петра, Павла и прочих апостолов (*Adv. haer.* I. 25. 1–2; ср. *ibid.*, I. 13. 6 о маркосианах); ср. также ч. I прим. 37.

⁴ Так, ссылаясь на Писание, он говорит о необходимости “искать Бога и, насколько это возможно, пытаться познать его” (ζητεῖν τὸν θεὸν καὶ ὡς οἶόν τε γινώσκειν ἐπιχειρεῖν: *Strom.* II. 47. 4). Также и Иринея говорит о возможности для христианина только частичного познания Бога, и основой этого познания является Писание: “Мы не должны отвергать твердое и истинное познание о Боге” (...firmam et veram de Deo scientiam: *Adv. haer.* II. 28. 1), и “даже если мы не можем найти в Писании ответов на все вопросы, то мы не будем искать другого бога (alterum Deum), кроме того, который есть” (*ibid.*, II. 28. 2). При этом для Иринея совершенно очевидно, что, поскольку человек неизмеримо менее Бога (in infinitum minor Deo) и не может, как Бог, иметь знания обо всем (omnium experientiam et cogitationem: *ibid.*, II. 25. 3), то “только некоторые вещи (относящиеся к Богу) доступны нашему познанию” (ἔνια δὲ καὶ εἰς γνῶσιν ἐλήλυθε τὴν ἡμετέραν: *ibid.*, II. 28. 3), и поэтому (со ссылкой на *IKop* 13. 9: “мы знаем отчасти”) несостоятельны утверждения таких считающих себя “совершенными” (perfecti) гностиков, как Валентин, Птолемей, Василид и т. п., что “они исследовали глубины Бога” (altitudines Dei exquisisse; ср. τὰ βᾶθη τοῦ θεοῦ в *IKop* 2. 10) и получили полное знание о сущем (universaliter universam cepisse eorum quae sunt agnitionem: *ibid.*, II. 28. 9).

⁵ Этот путь труден: “воистину (гностик непрерывно) сам себя создает и творит” (καὶ μὴν ἑαυτὸν κτίζει καὶ δημιουργεῖ: *Strom.* VII. 13. 3), “а гносис, своим величием и истиной намного превосходящий все науки, приобрести очень трудно, и добывается он великим трудом” (πολὸν δὲ μάλλον ἢ μεγέθει πασῶν μαθήσεων καὶ ἀληθείᾳ διαφέρουσα γνῶσις χαλεπωτάτη κτήσασθαι καὶ ἐν πολλῷ καμᾶτῳ περιγίνεται: *ibid.*, VI. 96. 4); “ибо гносис <...> – это некое совершенство человека как такового” (ἔστιν γὰρ <...> ἡ γνῶσις τελείωσις τις ἀνθρώπου ὡς ἀνθρώπου: *ibid.*, VII. 55. 1), и т. д. При этом для Климентя “основой знания является вера” (πιστεῦσαι δὲ θεμέλιος γνώσεως: *ibid.*, VII. 55. 5; ср. πίστις γνῶστικῆ: *ibid.*, VI. 76. 4), и именно от веры и страха Божия человек движется к познанию Бога (ἐκ πίστεως καὶ φόβου προκόψας εἰς γνῶσιν ἀνθρώπος...: *Ecl. proph.* 19. 1). Одним словом, гностиками не рождаются, ими становятся. По-прежнему лучшим исследованием вопроса об “истинном гностике” у Климента остается: W. Völker, *Der wahre Gnostiker nach Clemens Alexandrinus*, TU 57 (Berlin 1952).

⁶ Это понятие уже в самом начале II в. встречаем у Игнатия Антиохийского (καθολικὴ ἐκκλησία: *Ad Smyrn.* 8. 2; букв. “всеобщая церковь”), а в кон-

следовательно, *гностиком* может стать каждый. Свое понимание того, чем является подлинный “церковный гносис”, Климент определяет так (*Strom.* III. 44. 3):

οὐ γὰρ λόγον ψιλὸν εἶναι τὴν γνῶσιν φαμεν, ἀλλὰ τινα ἐπιστήμην θεϊάν καὶ φῶς ἐκεῖνο τὸ ἐν τῇ ψυχῇ ἐγγενόμενον ἐκ τῆς κατὰ τὰς ἐντολάς ὑπακοῆς τὸ πάντα κατὰδὴλα ποιοῦν τὰ [τε] ἐν γενέσει αὐτόν τε τὸν ἄνθρωπον ἑαυτὸν τε γινώσκειν παρασκευάζον καὶ τοῦ θεοῦ ἐπήβολον καθίστασθαι διδάσκον.

Для нас гносис является не пустым словом, но неким божественным знанием, тем светом, возникающем в душе от соблюдения заповедей, который делает ясным все относящееся к творению, а также помогает самому человеку познавать самого себя и учит его постигать Бога.⁷

це того же века Ириней так формулирует саму природу Церкви: “Приняв это учение (апостолов) и эту веру, как я уже выше сказал (ср. *Adv. haer.* I. 10. 1), Церковь, хотя она и рассеяна по всему миру (ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ), заботливо сберегает их, как если бы она жила в одном доме (ὡς ἓνα οἶκον οἰκοῦσα), и (повсюду) одинаково верует (в это учение), как бы имея единую душу и единое сердце; она одинаково (συμφώνως) проповедует это, учит и передает, как если бы у нее были одни уста” (*Adv. haer.* I. 10. 2). Только христианство, покаяющееся на принадлежности к Церкви (отсюда и название “церковные христиане”, ἐκκλησιαστικοί; см., например: *Cels.* VI. 27 или *Comm. Joh.* XIII. 44, где Ориген противопоставляет церковное христианство христианству Гераклеона) и ставящее во главу угла Евангелие, Ориген называл истинным (ἀληθινὸς χριστιανισμός, *Cels.* II. 27; что, впрочем, спустя столетия, не помешало “истинным христианам” отлучить его от этой Церкви и признать в нем еретика). “Вселенская Церковь”, начавшаяся с проповеди Спасителя, является “самой древней и единственно истинной Церковью” (ἡ προγενεστάτη καὶ ἀληθευστάτη ἐκκλησία), а все ереси возникли позднее в результате отпадения от Церкви (*Clem. Strom.* VII. 107. 2).

Важность единой церкви и ее иерархической структуры рано понял Мани и успешно осуществил идею на практике: именно хорошо налаженная и унифицированная организация манихейской церкви не в последнюю очередь способствовала невероятному успеху манихейства во всех концах тогдашней ойкумены (см.: А. Л. Хосроев, *История манихейства (Prolegomena)* [СПб. 2007] 203 сл.). Подробнее о различии между церковным и гностическим христианством разных толков см.: А. Л. Хосроев, *Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади* (М. 1991) 34–48; он же, *Из истории раннего христианства в Египте. На материале коптской библиотеки из Наг Хаммади* (М. 1997) 254–285; он же, *История манихейства*, 238–257.

⁷ Это учение Климента об “истинном гностике” позднее, уже применительно к “совершенному монаху”, развивал Евагрий Понтик (см., например,

Итак, принимая во внимание полный разнобой в свидетельствах ересиологов о том, какие именно еретики во II–III вв. называли себя *гностиками* (последователи Продика, наасены, карпократиане, валентиниане или другие анонимные *гностики*), а также то обстоятельство, что их современник Климент Александрийский не менее охотно пользовался этим термином (правда, обозначая им совершенного христианина, принадлежащего Церкви), можно думать,

а) что это название к концу II в. было в широком ходу,

б) что уже не только последователи определенной группы христиан (а очевидно, что это имя первоначально дали себе последователи какой-то одной христианской ереси), но и многие другие христиане, противопоставлявшие себя Церкви, называли себя *гностиками* и

в) что теперь это имя они применяли к себе скорее как эпитет,⁸ не переставая при этом считать себя *христианами*.⁹

его трактат под названием Ὁ γνωστικός). И у того, и у другого достижению знания Бога предшествуют πίστις, φόβος, ἐγκράτεια, ὑπομονή, ἐλπίς, ἀγάπη, и, наконец, γνῶσις (подробнее см.: A. Guillaumont, “Le gnostique chez Clément d’Alexandrie et chez Évagre le Pontique”, in: *ALEXANDRINA. Mélanges offerts au P. Claude Mondésert* [Paris 1987] 195–201), но в своем учении о церковном гносисе они так и остались одиночками.

⁸ Ср., например, свидетельства Иринея о последователях Валентина, которые “хотят показаться более совершенными, чем совершенные, и более знающими, чем знающие” (τελείων τελειότεροι <...> καὶ γνωστικῶν γνωστικώτεροι: *Adv. haer.* I. 11. 5), и о Марке, представлявшем себя своим адептам как “самого знающего и самого совершенного” (γνωστικώτατος = scientissimus et perfectissimus в лат. переводе: *ibid.*, I. 13. 1). Ср. также: N. Brox, “Гνωστικοί als häresiologischer Terminus”, *ZNW* 57 (1966) 108: “Es ist leicht denkbar, daß γνωστικοί als Name einer Einzelsekte von anderen Gruppen und Schulen entlehnt wurde, zwar nicht im Sinne eines Sektennamens, aber als Selbstcharakterisierung ihrer Lehre wie ihrer persönlichen Qualifikation”; ср. также ч. I прим. 59.

⁹ Так, например, Иустин, рассказав о симонианах, последователях Менандра и маркионитах, говорит о том, что все они “зовутся (или: называют себя) христианами” (Χριστιανοὶ καλοῦνται: *I Apol.* 26. 4); ср. утверждение наасенов: “из всех людей только мы являемся (подлинными) христианами” (ἐσμὲν <...> ἐξ πάντων ἀνθρώπων ἡμεῖς Χριστιανοὶ μόνοι: Hippol. *Ref.* V. 9. 22); Clem. *Strom.* III. 3. 4 о том, что последователи Василида называли себя христианами (ὀδοῦμενοι τὸ ὄνομα τοῦ Χριστοῦ), а также сетования Епифания: “И ведь до сих пор люди называют все ереси – я имею в виду манихеев, маркионитов, гностиков и прочих – христианами, и каждая ересь, даже если она по-другому называется, принимает это (название)” (καὶ γὰρ καὶ νῦν ὁμῶν ὄμως οἱ ἄνθρωποι πάσας τὰς αἱρέσεις, Μανιχαίους τέ φημι καὶ Μαρκιωνιστάς, Γνωστικούς τε καὶ ἄλλους, Χριστιανοὺς καλοῦσι καὶ ὁμῶς ἐκάστη

Названия же вроде *валентиниане*, *карпократиане* или т. п. вышли из-под пера церковных оппонентов,¹⁰ отказывавших им в праве называться христианами.¹¹

Когда¹² и кем прилагательное *γνωστικός* было субстантивировано и перенесено на человека, причем преимущественно на представителей совершенно определенной ветви христианства, мы не знаем.¹³ Но нужно думать, что это произошло в среде, знакомой с

αἵρεσις, καίπερ ἄλλως λεγομένη, καταδέχεται τοῦτο...; ср. *Pan.* 30. 1. 3); о том, что христианами считали себя и карпократиане, см. *Epirh. Pan.* 27. 3. 4. По всей вероятности, *гностики* разных толков оставались членами церковной общины. Вспомним свидетельство Тертуллиана о том, что “Валентин надеялся занять епископскую кафедру” (*spemaverat episcopatum Valentinus*) в Риме (*Adv. Val.* 4. 1); см. также утверждение Тимофея Константинопольского (ок. 600 г.) о том, что “Валентин стал епископом Египта” (οὗτος δὲ ὁ Βαλεντίνος ἐπίσκοπος γέγονεν Αἰγύπτου: *De rec. haer.* 17 В; PG 86); Епифаний рассказывает о некоем Петре в Палестине, родоначальнике ереси архонтиков (Ἀρχοντικοί), который епископом Аэцием (середина IV в.) был лишен священнического сана (καθηρέθη ἀπὸ τοῦ πρεσβυτερίου) за то, что “он был последователем гностической ереси” (τὴν τῶν Γνωστικῶν μετιῶν αἵρεσιν: *Pan.* 40. 1. 5).

¹⁰ Имена на -ιανός (от лат. -ianus), появившиеся в греческом довольно поздно, обозначали, как правило, группу последователей того или иного человека (“les partisans d’un personnage”: P. Chantraine, *La formation des noms en grec ancien*, Société de linguistique de Paris. Collection linguistique 38 [Paris 1933] 197; “...im Plural <...>, um eine Gruppe von Parteianhängern zu bezeichnen”: E. Peterson, “Christianus”, in: id., *Frühkirche, Judentum und Gnosis* [Rom 1959] 69–70) и были не самоназваниями (как и в случае с именем *χριστιανοί*), а давались противниками (ср. ч. I прим. 5 и 57).

¹¹ Так, например, уже Тертуллиан говорит: “Ведь если они являются еретиками, то не могут быть христианами” (*Si enim haeretici sunt, christiani esse non possunt: Praesc.* 37. 2); ср. у Лактанция (ок. 310 г.): “Ведь после того, как (еретики) стали называться фригийцами, новатианами, валентинианами, маркионитами, антропианами или какими-то другими именами, они перестали быть христианами (*Christiani esse desierunt*); они, оставив имя Христа, облачились в имена человеческие и внешние” (*Div. inst.* IV. 30. 10), и т. д.

¹² *Terminus ante quem* для возникновения термина – свидетельство Цельса (между 177 и 180 гг.; см. ч. I с. 92–94), но если принимать свидетельство Иринея, что последователи Маркеллины между 154–165 гг. называли себя *гностиками* (ср. ч. I с. 97–98), то возникновение этого обозначения можно отодвинуть на 20 лет. Поскольку Иринея не говорит о том, что именно последователи Маркеллины изобрели этот термин, то можно допустить, что слово к этому времени уже имело за собой какую-то историю (ср. ниже с. 7–8).

¹³ Ср. B. Layton, “Prolegomena to the Study of Ancient Gnosticism”, in: *The Social World of the First Christians. Essays in Honor of W. A. Meeks*. Ed. by L. M. White and O. L. Yarbrough (Minneapolis 1995) 338: “The specific reason why the creator of this *haireisis* chose the name Gnostike (‘Knowledge-Supplying’) is not clear”.

платонизмом (к которому и восходит сам термин),¹⁴ и, совершенно очевидно, под влиянием языка Нового Завета. Так, уже у Павла такие понятия на -ικός, как, например, ψυχικός или πνευματικός (употреблявшиеся в предшествующей греческой литературе в значении “относящийся к душе” или “относящийся к духу”), обозначают теперь определенный тип человека.¹⁵

¹⁴ О том, что многие гностические учителя в той или иной мере были причастны к греческой философской культуре, не раз говорят их оппоненты. Так, например, по свидетельству Климента, Епифан (ср. ч. I прим. 47) получил у отца греческое образование и знание Платона (ἐπαιδεύθη <...> παρὰ τῷ πατρὶ τὴν ἐγκύκλιον παιδείαν καὶ τὰ Πλάτωνος: *Strom.* III. 5. 3); Иринея утверждает, что последователи Маркеллины имели у себя наряду с изображением Иисуса “изображения Пифагора, Платона, Аристотеля и других философов” (cum imaginibus mundi philosophorum, videlicet cum imagine Pythagorae et Platonis et Aristotelis et reliquorum: *Adv. haer.* I. 25. 6); ср. *Eiphr. Pan.* 31. 2. 3 о том, что Валентин получил греческое образование в Александрии (ἐν Ἀλεξανδρείᾳ δὲ πεπαιδευθῆσαι τὴν τῶν Ἑλλήνων παιδείαν), а у Тертуллиана не было никакого сомнения в том, что Валентин Platonicus fuerat (*Praesc.* 7. 3); Ипполиту было ясно, что в основе ереси Валентина лежат учения Пифагора и Платона (“Ἔστι μὲν οὖν ἡ Οὐαλεντίνου αἵρεσις Πυθαγορικὴν ἔχουσα καὶ Πλατωνικὴν τὴν ὑπόθεσιν: *Ref.* VI. 21. 1); наконец, Плотин прямо говорит о том, что его оппоненты, *гностики*, заимствовали свое учение у Платона (ὅλως γὰρ τὰ μὲν αὐτοῖς παρὰ τοῦ Πλάτωνος εἴληπται: *Plot. Enn.* II. 9. 6 [10–11]), и т. д.

В текстах из Наг Хаммади мы находим целый ряд философских (или философизирующих) трактатов (не забудем, что там сохранился и отрывок из “Государства” Платона [588 В – 589 В], правда, в варварском переводе на коптский: *Nag Hammadi Codices* VI. 5), но обращение к ним выходит за рамки темы.

Очевидно, что у всех этих авторов и во всех этих текстах речь не идет о глубоком знании платонизма или другой философии, и современный знаток неоплатонизма так очень точно определил суть дела: “I think, then, in general, that any influence which may have been exerted by any kind of Greek philosophy on Gnosticism was not genuine but extraneous and for the most part superficial. We are dealing with the use of Greek ideas, often distorted or strangely developed, in a context which is not their own, to commend a different way of faith and feeling, not with a genuine growth of any variety of Gnosticism out of philosophy, whatever some ancient heresiologists may have thought” (A. H. Armstrong, “Gnosis and Greek Philosophy”, in: *Gnosis. Festschrift für Hans Jonas*. Hg. von B. Aland et al. [Göttingen 1978] 101).

¹⁵ В греческой философской культуре к этому времени прилагательные на -ικός, за которыми первоначально подразумевались φιλόσοφος, αἵρεσις и т. п. и которые могли быть образованы как от имени главы школы (Πλατωνικός, Ἀριστοτελικός), так и от какого-либо атрибута (Ἀκαδημικός, Στωικός) или самого содержания (претензии) философского учения (например: Ἀπορητικοὶ καὶ Σκεπτικοὶ καὶ Ζητητικοί: *D. L.* IX. 69; ср. σκεπτικὴ αἵρεσις и в *Iren.*

В этом отношении, на мой взгляд, крайне важен пассаж из *IKop* 2. 14–16, который, вероятно, и проложил дорогу последующему введению в обиход слова *гностик* в интересующем нас значении:

(14) ψυχικός δὲ ἄνθρωπος οὐ δέχεται τὰ τοῦ πνεύματος τοῦ θεοῦ <...> καὶ οὐ δύναται γινῶναι, ὅτι πνευματικῶς ἀνακρίνεται. (15) ὁ δὲ πνευματικὸς ἀνακρίνει [τὰ] πάντα <...> (16) τίς γὰρ ἔγνω νοῦν κυρίου, ὃς συμβιβάσει αὐτόν; ἡμεῖς δὲ νοῦν Χριστοῦ ἔχομεν.

Отсюда был уже один шаг к тому, чтобы из *пневматика*, т. е. человека, который в состоянии *познать* (γινῶσκειν) ум Господа, сделать *гностика* (γνωστικός), т. е. того, кто действительно *познал* Бога.¹⁶ Если вспомнить о том, с каким пиететом относились к Павлу, например, валентиниане¹⁷ или наасены, которые, по свидетельству Ипполита, называли себя *гностиками*,¹⁸ то не будет неожиданным предположение, что именно это высказывание апостола послужило толчком к переосмыслению старого платоновского понятия и к возникновению нового термина.¹⁹

И в заключение следует сказать несколько слов о термине “гностицизм”. Усиленно полемизируя на протяжении веков с различного рода еретиками, церковные ересиологи не ввели в обиход такого обобщающего понятия, как *γνωστικισμός²⁰ (по аналогии, напри-

Adv. haer. I. 11. 1 [см. ч. I с. 98] γνωστικὴ αἵρεσις), также употребляются уже субстантивированно в значении “последователь той или иной философской школы”.

¹⁶ Павел охотно пользовался не только глаголом γινῶσκειν, но и существительным γνῶσις (около двух десятков случаев), ставя, правда, выше “знания” ἀγάπη; ср., например: *IKop* 8. 1–2.

¹⁷ Именно на основе толкования *IKop* 2. 14–15 + *IKop* 15. 48 (χοικός) строили они свою трехчастную антропологию: Iren. *Adv. haer.* I. 8. 3 (ср. ч. I прим. 37). Подробнее об отношении гностиков различных толков к Павлу см.: E. N. Pagels, *The Gnostic Paul. Gnostic Exegesis of the Pauline Letters* (Philadelphia 1975).

¹⁸ Ср. ч. I прим. 32 и утверждение наасенов, что сказанное в *IKop* 2. 13–14 ἐστὶ τὰ τοῦ πνεύματος ἄρρητα μυστήρια, ἃ ἡμεῖς (т. е. наасены) ἴσμεν μόνοι: *Ref.* V. 8. 27.

¹⁹ Имел ли в виду Ипполит, говоря об “этих, в высшей мере достойных удивления, гностиках, изобретателях нового грамматического искусства” (οἱ θαυμασιώτατοι γνωστικοί, ἐφευρεταὶ καινῆς τέχνης γραμματικῆς: V. 8. 1) среди прочего и их “словотворчество”?

²⁰ В греческом существительные на -ισμός являются производными от глаголов на -ίζειν, а глагол *γνωστικίζειν не засвидетельствован (ср. ниже прим. 23), но само по себе наличие такого глагола еще не означает, что от него

мер, с *χριστιανισμός*²¹ и *ἰουδαϊσμός*²²), чтобы обозначить им всю совокупность христианских учений, стоящих в оппозиции к Церкви; они довольствовались понятием (лжеименный) *γνῶσις*. Понятие “гностицизм” возникло уже в новое время под пером кембриджского платониста Генри Мора (Henry More, 1614–1687), который в своем труде “Antidote against Idolatry” (1664 г.) объединил раннехристианские ереси общим названием “(the old abhorred) Gnosticism”.²³

Не касаясь здесь анализа по-прежнему спорного вопроса о том, какое именно религиозное явление обозначать термином “гностицизм”²⁴ и пригоден ли этот термин вообще, поскольку “man in der

обязательно должно быть образовано соответствующее существительное; так, например, засвидетельствованный глагол *πλατωνίζειν* (в значении “подражать Платону, быть его последователем”: Orig. *Cels.* IV. 83) не привел в древности к возникновению понятия *πλατωνισμός*; оно появилось лишь в середине XVI в. и обозначало тогда, по словам Дерри (как и большинство *-измов*, с определенными отрицательными коннотациями), “nicht etwa wertfrei die Philosophie des Platons, sondern es meint ein unerlaubtes, unangemessenes Hinneigen zu Platon (das einem Christen nicht erlaubt ist)” (H. Dörrie, “Was ist ‘spätantiker Platonismus’? Überlegungen zur Grenzziehung zwischen Platonismus und Christentum”, *Theologische Rundschau* 36 [1971]: 4, 288). Об *-измах* в том числе и в современном языке см. остроумную статью: F. Dornseiff, “Der -ismus” (1919), in: id., *Kleine Schriften II: Sprache und Sprechender*. Hrsg. von J. Werner (Leipzig 1964) 318–329.

²¹ Слово *χριστιανισμός* (в значении “христианский образ жизни и вера”) мы впервые встречаем у Игнатия Антиохийского: *μάθομεν κατὰ Χριστιανισμὸν ζῆν* (*Ad Magn.* X. 1), где *κατὰ Χριστιανισμὸν ζῆν* соответствует глаголу *χριστιανίζειν*, который впервые встречаем у Оригена (*Cels.* III. 80).

²² Слово *ἰουδαϊσμός* появляется впервые в 2 *Мак* 2. 21 (конец II в. до н. э.), где речь идет также о борьбе за право “жить по иудейским законам”.

²³ См.: *Oxford English Dictionary* VI (Oxford 1989) 616; подробнее см.: Layton (прим. 13) 348–349, где приводится пространный отрывок из этого сочинения; заметим, что Мор ввел в обиход и глагол *gnosticize* (**γνωστικίζω*) в значении “to adopt or expound gnostic views”. Ошибочно утверждает Рудольф (K. Rudolph, “‘Gnosis’ and ‘Gnosticism’ – the Problems of their Definition and their Relation to the Writing of the New Testament”, in: id., *Gnosis und spätantike Religionsgeschichte. Gesammelte Aufsätze, NHMS* 42 [Leiden 1996] 43): “Most of these *-isms*, including ‘Gnosticism’, have arisen since around 1750”.

²⁴ Уже Мосхайм (правда, использовавший вместо термина *Gnostizismus* термин *Gnosis*) посвятил вопросам терминологии пространное примечание под названием “Von dem Worte *Gnosis* und *Gnostikus*” (J. L. von Mosheim, *Versuch einer unpartheiischen und gründlichen Ketzergeschichte* [Helmstedt 1746; neu hg. u. eingeleitet von D. Fleischer, Waltrrop (Reken) 1995] 117–119); для него *Gnosis* – это учение, которое исповедовали “die irrigen Lehrer der ersten Kirche, die <...> sich selbst die *Gnostiker* genennet” (*ibid.*, 117; ср. ч. I прим. 59). Одна-

Antike eine solche übergreifende Gruppenbildung nicht kannte”,²⁵ замечу, что термин представляется мне весьма удобным для обозначения совокупности христианских еретиков II в. и, как и раньше, придерживаюсь определения этого религиозного явления, которое было дано на Международном коллоквиуме в Мессине в 1966 г., где было предложено отождествлять “гностицизм” “с определенной группой (христианских) систем второго века н. э.”.²⁶

А. Л. Хосроев

Институт восточных рукописей РАН

The paper collects and analyses main evidence on the use of the word γνωστικός in the 2nd–4th century philosophy, both pagan (Celsus, Plotinus, Porphyrius) and Christian heresiological (Irenaeus, Clemens, Hippolytus, Tertullianus, Epiphanius). Originally, Plato uses γνωστικός as an adjective (*Polit.* 258 E; γνωστικῆ ἐπιστήμη). In the second half of the 2nd century, followers of one of the early Christian opposition movements use the word as a self-epithet (e. g. *Adv. haer.* I. 11. 5: γνωστικῶν γνωστικώτεροι). Later the γνωστικός is substantivated, most likely under the influence of the Pauline Epistles (e. g. *1Cor* 2. 14–16). Starting from Irenaeus, the word refers to any Christian dualist heretic.

ко вопросы: “Is Gnosticism a Christian heresy?” (J. E. Ménard, “Normative Self-Definition in Gnosticism”, in: *Jewish and Christian Self-Definition. I: The Shaping of Christianity in the Second and Third Centuries*. Ed. by E. P. Sanders [Philadelphia 1980] 134) или “Is Gnosticism a Religion?” (B. A. Pearson, “Gnosticism as a Religion”, in: id., *Gnosticism and Christianity in Roman and Coptic Egypt* [New York – London 2004] 201; ср. утверждение автора: “It is legitimate to talk about ‘Gnosticism’ as ‘a religion’ analogous to ‘Judaism’ or ‘Christianity’”, *ibid.*, 213) продолжают вызывать жаркие дискуссии.

²⁵ J. Holzhausen, “Gnostizismus, Gnosis, Gnostiker. Ein Beitrag zur antiken Terminologie”, *JAC* 44 (2001) 74. На это можно заметить, что древность не знала и термина “платонизм” (как, впрочем, и большинство *-измов*), однако это не значит, что платонизма не было, и едва ли у нас есть основания от этого термина отказываться.

²⁶ “In order to avoid an undifferentiated use of the terms *gnosis* and *Gnosticism*, it seems to be advisable to identify <...> ‘Gnosticism’ <...> with a certain group of systems of the Second Century A.D.” (*Le origini dello Gnosticismo. Colloquio di Messina 13–18 aprile 1966*. Ed. U. Bianchi [Leiden 1967] XXVI).